

Горский В. В. Страница из истории православной русской миссии в Китае: (Письма миссионера) [В. В. Горского к родителям и А. В. Горскому: X—XII, 18 сентября 1839 г.] // Богословский вестник 1897. Т. 4. № 10. С. 103—113 (2-я пагин.). (Продолжение.)

СТРАНИЦА

изъ исторіи православной русской миссіи въ Китаѣ.

(Письма миссионера).

X.

Къ родителямъ.

Письмо Ваше, новое свидѣтельство Вашей нѣжно-родительской любви и заботливости о мнѣ, я получилъ, — и, сказать по восточному, цѣлую прахъ ногъ Вашихъ въ знакъ моей самой искренней и сердечной благодарности. Вы, какъ Ангель хранитель, стоите на стражѣ моего счастья; заранѣе обозрѣваете все, что окружаетъ меня, и подаете мнѣ помощь свою въ ту же минуту, какъ только увидите ея необходимость. О! Когда Господь дастъ мнѣ средства хотя сколько нибудь возблагодарить Васъ за Ваше попеченіе и любовь.

Вамъ вѣрно любопытно знать, гдѣ я теперь, и какъ живу? Перенеситесь воображеніемъ Вашимъ съ одного конца на другой, — отъ жарныхъ стѣнъ Лаврской обители къ шумной площади Большого театра, идите въ офицерекую улицу и третій, новый, огромный домъ, который Вамъ тотчасъ бросится въ глаза, вотъ Вамъ наша квартира! Въ сажняхъ во сто, еще менѣе, отъ насъ большой театр; окна моей квартиры обращены въ садъ, принадлежащій Нѣмецкому клубу, гдѣ предо мною мелькаютъ многочисленныя пары гуляющихъ, гдѣ, въ воскресные и праздничные дни музыка, одна изъ лучшихъ въ Петербургѣ, гремитъ далѣе полночи: рядомъ съ нами — Литовскій замокъ или иначе тюремный; каковъ контрастъ! Нѣсколько разъ въ полночный часъ мнѣ удавалось слышать въ одно время, и гармоническіе звуки музыки, и шумъ каретъ разѣзжающихся изъ Большого театра, и звучное, но глубоко потрясающее душу тюрем-

ное—*слушай*, которое вдругъ тянется въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и тяжело падаетъ на сердце; такъ то въ мірѣ все перемѣшано, радость съ печалью, удовольствія съ горемъ, и изъ этой свѣтло—тѣни рисуется прекрасная картина жизни! Квартира наша по внутреннимъ своимъ качествамъ очень удобна; каждый изъ насъ имѣетъ особенную комнату, гдѣ онъ можетъ особенно заниматься и спать; сверхъ того есть еще комнаты пріемныя, хорошо меблированныя, гдѣ можете принимать посѣтителей. Квартира у насъ общая, съ нами живетъ о. Архимандритъ; платимъ за нее—200 рублей въ мѣсяць, живемъ въ двухъ этажахъ: третьемъ и четвертомъ; въ первомъ лучшія комнаты для пріему и начальника Миссіи, во второмъ живемъ мы, но и у насъ—не чердакъ какой нибудь, но очень хорошенькія комнаты; счетомъ ихъ до двѣнадцати. Нужно было омеблировать эти комнаты; взято одной мебели, на общій счетъ, на 700 рублей. Слишкомъ роскошно, скажете Вы; нѣтъ—велики только деньги; хорошо меблирована только общая комната, гдѣ непременно нужна была хорошая мебель; а въ прочихъ, у каждаго только кровать, столъ для занятій, и четыре стулика! Какъ же дорога мебель! Мы взяли это на прокатъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ хозяинъ этой мебели взялъ се за себя, за ту же цѣну, за которую мы взяли се у него, и еще взявши себѣ въ барыши по пяти процентовъ съ рубля. Но мы должны были внести теперь же эту сумму какъ залогъ; гдѣ же взяли мы денегъ? 16 Августа мы уже совершенно поступили въ Департаментъ, и потому намъ на полмѣсяца оставшагося Августа дали жалованье, я получилъ 110 руб. асс. Всѣ эти деньги мы внесли въ общую кассу, чтобы заплатить за мебель, и на содержаніе. Но и тутъ еще не сошелся приходъ съ расходомъ. Мы держимъ свой столъ; потому что брать изъ трактира пищу будетъ еще невыгоднѣе, но заведя свой столъ надобно завести и свою кухонную посуду;—а чего это стоитъ? Правда мы завели такую посуду, которую выгодно и можно везти съ собою въ Пекинъ, но это не дешево; нуженъ поваръ, который бы стряпалъ, и ему надобно заплатить 45 р. въ мѣсяць;—по служителю на два этажа; а здѣсь надобно и простому служителю заплатить 25 р. въ мѣс.; прачкѣ—8 р. дворнику, за то, что онъ доставитъ Невской воды, а не изъ дурного канала,

и внесеть дрова съ самаго низу въ верхъ—15 р. Каковы-же наши издержки! Особливо — на первый мѣсяць, когда все это надобно завести! Чего стоитъ одинъ столъ! Мы обѣдаемъ только, а не ужинаемъ, но чтобы вознаградить ужинъ, надобно чтобы обѣдъ былъ хорошій, тѣмъ болѣе, что у насъ не бываетъ почти дня, когда-бъ не обѣдалъ кто нибудь лишній, и притомъ такой человѣкъ, которому нельзя оказать; напр. о. Іакинѣ часто у насъ даже и ночуетъ. Изъ этого выходитъ слѣдующее, что мы въ августѣ мѣсяцѣ еще не могли уровнять прихода съ расходомъ, и никто изъ насъ своимъ жалованьемъ еще не распорядился самъ. Так е положеніе наше вѣрно къ концу сентября совершенно должно окончатся. По моимъ вѣрнымъ расчетамъ выходитъ, что я изъ своего жалованья каждый мѣсяць долженъ буду вносить по 110, — это уже много, если по 120 р. прочая сумма останется въ моихъ рукахъ. Именно съ октября я живу уже очень достаточно; надѣюсь, что и въ сентябрѣ мое положеніе улучшится значительно, потому что главные и самые дорогіе предметы у насъ завезены, потому расходъ тѣхъ мѣсяцевъ уменьшится. Внесши сумму я уже совершенно обезпеченъ; у насъ рѣшительно все общее—чай, сахаръ, булки и проч. Теперь я долженъ былъ омеблировать самого себя; благодаря Вашей попечительности—я уже купилъ самыя необходимыя вещи—одежныя; заказалъ для себя сапоги, и проч. Нуженъ хорошій сюртукъ, такіе же брюки и жилетъ; я заказалъ уже это портному, съ тѣмъ условіемъ, чтобы мнѣ заплатить деньги въ концѣ ноября или декабря; тогда я получу двѣ тысячи рублей на обзаведеніе, и значитъ очень удобно расплачусь съ нимъ; но кромѣ сюртука, нужно имѣть фракъ; но знаю, шить мундирный ли фракъ,—или простой; начальникъ отдѣленія говоритъ, что мы можемъ носить и простой фракъ, если хотимъ; мнѣ хочется шить послѣдній, потому что въ немъ можно являться вездѣ, не такъ какъ въ мундирномъ,—который хорошъ только для службы. Значитъ, надобно мнѣ истратить на одно здѣшнее платье 500 руб.; впрочемъ—денегъ моихъ еще достаточно будетъ на обзаведеніе и вещами для Пекина. Не думаю, чтобы были остатки, но недостатка вѣрно не будетъ. Фракъ надобно также скоро шить, потому, что мы слушаемъ лек-

ціи въ самомъ Департаментѣ, а тамъ иногда надобно видѣться съ вице-директоромъ... Но спасибо доброму портному, который согласенъ исполнѣ на такую отсрочку. Таково-то житье мое на квартирѣ! А давно ли я живу на ней, — спросите Вы? 12 Августа я простился съ Академіей. Вѣчная моя благодарность ей за тѣ благодѣянія, которыя я получилъ отъ нея! Въ Академіи я получалъ только добро; съ слезами я расстался съ нею и съ добрыми товарищами, любовію которыхъ я пользовался! 5 авг. мое дѣло было совершенно кончено, 9 — я вышелъ изъ дух. званія и являлся въ департаментъ; 12, сталъ жить уже какъ хозяинъ; 16 августа мы, миссіонеры, въ департаментѣ пѣли молебенъ въ присутствіи нашихъ новыхъ властей, и слушали первую лекцію китайскаго языка, на которой былъ и самъ Вице-директоръ. Каждый день, исключая субботы и воскресенья, мы отправляемся въ штабъ, и тамъ въ департаментѣ слушаемъ китайскія и маньчжурскія лекціи, на которыхъ бываетъ часто и начальникъ отдѣленія. Итакъ, мы уже знакомимся съ заколдованною грамоткою! Чудный языкъ китайскій, такъ оригиналенъ, и такъ страненъ, что не похожъ рѣшительно, ни на одинъ европейскій языкъ! У него нѣтъ даже и алфавита, одни только условные знаки, которые и многочисленны и довольно прихотливы и произвольны. Изъ этихъ знаковъ не образуется никакихъ словъ; каждый звукъ цѣлою понятіемъ, и потому, каждый знакъ — необходимо заучивать! Простъ — и вмѣстѣ мудренъ, легокъ и труденъ; Маньчжурскій — несравненно проще и легче. 16 августа, послѣ молебна, я торжественно при всѣхъ властяхъ клялся именемъ Бога живаго, Его Крестомъ и Евангеліемъ, служить вѣрно и нелицемѣрно, не щадя живота своего, по самое послѣднее издыханіе служить Царю, Цесаревичу, и Отечеству. Сильно подѣйствовала на меня клятва; это первая общественная присяга, которая связала неразрывными цѣпями мою душу. Теперь я уже не принадлежу себѣ; теперь я исполнѣ русскій, весь принадлежу Россіи. Да поможетъ мнѣ Господь выполнить тѣ священные обѣты, которые я произнесъ, надѣясь на Его святую помощь. О! Ревности во мнѣ много, дай Господи силу, для осуществленія моихъ желаній! Порадуйтесь тому, что я уже членъ общества, что я теперь — Сынъ Отечества и Его дѣйствователь.

XI.

Къ брату.

Я получилъ пріятное письмо Ваше и спѣшу удовлетворить Вашему любознѣтельству. 15-го Сентября, въ четыре часа вечера, я предсталъ на испытаніе грозное, — и болѣе двухъ часовъ выдерживалъ бой съ большимъ или мевъшимъ успѣхомъ, при пособіи Дмитрія Ѳедоровича. Я не бѣжалъ съ поля сраженія и побѣда осталась за мною; но какъ велика эта побѣда, какія благодѣтельныя послѣдствія должны увѣнчать мои труды, объ этомъ я еще не могу дать Вамъ никакого свѣдѣнія. Почти всѣ члены конференціи были на испытаніи, исключая Бажанова и Кочепова. Главными лицами, принимавшими участіе въ моемъ экзаменѣ, были: самъ ректоръ, съ своею строгою, неумолимою логикою, Карповъ, съ своими философскими оеоріями, Делекторскій (бывшій прежде при здѣшней академіи бакалавромъ словесности) и Дмитрій Ѳедорычъ, иногда принимавшіе на себя роли посредниковъ между мною и моими судіями. Были вопросы и не важные, были и такіе, которые требовали свѣдѣній ве студента, только вышедшаго изъ-за парты, но ученаго, хорошо изучившаго литературу. Особенно Василій Пиколаевичъ ¹⁾ предлагалъ очень трудные вопросы: такъ напр.: 1) Какія были составныя части греческой трагедіи. Я отвѣтилъ, прологъ, хоръ, и пр., но мнѣ возразилъ В. Н., что составныя части трагедіи были—три комедіи и одна сатира, что всѣ трагедіи были тетралогіи; мнѣ показалось весьма страннымъ то мнѣніе, будто греки въ трагедіи допускали комизмъ, когда трагедія по самому своему существу исключаетъ все смѣшное и веселое; вышелъ споръ, Д. Ѳ. принялъ мою сторону, обратились къ началу трагедіи и комедіи; В. Н. старался доказать, что комедія и трагедія, проистекшія изъ одного начала, изъ пѣснопѣній въ честь Вакха, къ которымъ присовокупились рассказы и тѣлодвиженія, могли и должны быть нераздѣльны. Нужны были факты; обратились къ самымъ трагедіямъ греческимъ, чтобы разобрать хотя одну изъ нихъ въ подтвержденіе или опроверженіе котораго нибудь изъ мнѣній; выбрали Эдипа, я рассказалъ его содержаніе, тѣмъ

¹⁾ Карповъ.

и кончилось. Правда, что въ началѣ представленія греческія состояли изъ трехъ трагедій, иногда связанныхъ между собою, а иногда различныхъ по своему содержанию, и въ заключеніе представлялась сатирическая драма, которая подавляла въ зрителѣ печальное впечатлѣніе, сдѣланное на него трагедією; но это другое дѣло! Изъ того, что намъ часто послѣ трагедіи даютъ какую-нибудь оперу или комедію, слѣдуетъ-ли заключать, что наша трагедія состоитъ изъ одной трагедіи и одной оперы или комедіи? Въ трагедіи три комедіи! 2) Что такое древняя палиподія и какая изъ нихъ дошла до насъ?—вопросъ для меня совершенно незнакомый. 3) Кто первый сталъ писать прозою? Я зналъ, что іонійскіе философы первые стали отдѣлять поэзію отъ прозы, и что слѣды послѣдней находятся еще у Талеса; но кто первый сталъ писать совершенно прозою,—этого не зналъ. 4) Что такое романтизмъ, какъ онъ развился? Не былъ-ли онъ у древнихъ, у Анакреона, у Сафо, чѣмъ отличается отъ классицизма и лучше-ли его? 5) Какое сходство и различіе между Расиномъ и Корнелемъ, между Шиллеромъ и Гёте, и кто изъ нихъ лучше? На первый вопросъ я не въ состояніи былъ отвѣчать, потому что не читалъ ни того, ни другаго; второй вопросъ занималъ меня и прежде; много драм. сочиненій Шиллера я читалъ самъ, читалъ нѣкоторыя произведенія и Гете, читалъ и отзывы о томъ и другомъ писателѣ, у Шлегеля, у Менцеля и др., и потому на этотъ вопросъ могъ отвѣчать удовлетворительно. Были и другіе подобные вопросы. На одни изъ нихъ я отвѣчалъ вполне удовлетворительно, на другіе—не совсѣмъ полно или ошибочно, вопроса на четыре не отвѣчалъ. Вотъ Вамъ маленькій очеркъ моего испытанія. О. Ректоръ сказалъ мнѣ послѣ экзамена—хорошо. При назначеніи предмета для разсужденія онъ ясно выразилъ, что онъ даетъ предметъ для сочиненія, только для исполненія формы Но и разсужденіе! Предложеніе пошлое и сухое!—*Нужно-ли изучать правила словесности?* а сроку только двѣ недѣли! Вотъ уже прошла недѣля, а я успѣлъ еще только написать планъ для разсужденія! Что такъ мало?—спросите Вы. Что-жъ дѣлать! Вы не повѣрите, какъ непримѣтно проходитъ время. Каждый день надобно готовиться къ китайскому и маньжурскому классу,

а нельзя себя представить, какъ много времени уносятъ эти занятія. Когда начнешь разрисовывать китайскіе знаки и мапѣджурскіи буквы, тогда часъ кажется четвертью. Въ продолженіе всей прошедшей недѣли ждали къ себѣ на лекцію Вице-директора, отъ того еще болѣе хлопотъ; нынѣ онъ у насъ слушалъ лекцію. Поэтому-то я такъ мало и сдѣлалъ и, кажется, никакъ не успѣю написать къ сроку, хотя и мнѣ самому хочется и нужно поскорѣе раздѣлаться съ нимъ, тѣмъ болѣе, что на этой, кажется, недѣлѣ начнутся наши лекціи въ Академіи Наукъ. Кажется я Вамъ писалъ, что я буду заниматься изученіемъ какъ дѣлать чучела различныхъ животныхъ, птицъ, собирать настѣжкомыхъ, заготовлять гербарій. Академія Наукъ сама вызвалась практически научить насъ этой хитрости, и съ ея вызова нашъ Азіатскій Департаментъ предложилъ, кому угодно, завяться этимъ дѣломъ. Я съ удовольствіемъ готовъ ходить на эти лекціи, впоследствии можно составить въ Китаѣ весьма богатый естественный кабинетъ, принести и себѣ и другимъ пользу и удовольствіе. Правда, иногда очень неприятно будетъ потрошить какуюнибудь монгольскую собаку, которая отличается отъ всѣхъ собачьихъ породъ, но что дѣлать? Во всякой наукѣ есть какая-нибудь часть или довольно сухая, или не совсѣмъ пріятная. Итакъ, если на этой недѣлѣ начнется новое наше ученіе, то время у меня еще болѣе сократится. Изъ такого предложенія и при такомъ краткомъ времени трудно сдѣлать что-нибудь порядочное! А что будетъ наградою? Хотѣлось бы получить степень кандидата, но дадутъ-ли, — это еще чистая проблемма! Послѣ экзамена я еще не успѣлъ видѣться съ Дм. Федорычемъ, потому не знаю, чѣмъ они хотятъ меня порадовать. О. Гурій держалъ экзамень ранѣе меня. Одинъ разъ, когда онъ былъ у о. Инспектора, тотъ высказалъ ему такую мысль: Вашему спутнику, о. Иннокентію, прожившему въ Академіи четыре года съ отличнымъ поведеніемъ, окончившему курсъ съ довольно хорошими успѣхами, человѣку, котораго насильно посылаютъ въ Пекинъ, даютъ только степень младшаго кандидата, что же вамъ дадутъ — не знаю. Кажется и Вы получите кандидата. Что же мнѣ дадутъ, спрашиваю самъ себя, мнѣ, который и не кончилъ курса, и вышелъ

изъ духовнаго званія, и самъ ѣдетъ въ Пекинъ, и держитъ экзаменъ не по Богословію? Студента — не болѣе! Впрочемъ, судя по экзамену и по благосклонности о. Ректора, я надѣюсь большаго. Студента я имѣлъ право получить и безъ экзамена за тѣ два года, которые прожилъ въ Академіи; если такъ, то они могли меня прямо представить къ этой степенѣ, Графъ, безъ сомнѣнія, утвердилъ бы ихъ представленіе. Для чего-жь было имъ пытаться меня, мучить и теперь разсужденіемъ? Но, что еще будетъ,—а то будетъ, что Богъ дастъ! Во всякомъ случаѣ, дадутъ-ли мнѣ кандидата, нѣтъ-ли, я въ томъ и другомъ случаѣ буду весьма благодаренъ академическому начальству. Если бы мнѣ и ничего не дали, то и тогда бы не сталъ жаловаться на нихъ, и тогда бы я былъ благодаренъ имъ за тѣ два года, которые я провелъ подъ академическимъ кровомъ и которые принесли мнѣ много добра!

Вамъ хочется знать о нашихъ занятіяхъ собственно азіатскихъ?—Ничего, начинаемъ учиться, какъ мальчики, — съ букваря. Китайскій языкъ преподаетъ намъ о. Такинъ, а маньчжурскій—Степанъ Липовцевъ, онъ, кажется, изъ некончившихъ курсъ семинаріи, былъ 10 лѣтъ въ Пекинѣ, человѣкъ уже пожилой, служитъ при Азіатскомъ Департаментѣ переводчикомъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, съ Владиміромъ на шеѣ, имѣетъ въ Петербургѣ два дома. Онъ извѣстенъ тѣмъ, что перевелъ Новый Заветъ на маньчжурскій языкъ, и англичане въ награду за его труды дали ему 30,000. Какъ они преподають намъ? Очень просто и ясно, такъ что и дѣти поняли-бы все; признаюсь, я думалъ, что о. Такинъ будетъ читать свой предметъ какъ ученый профессоръ, а не какъ учитель 2 класса. Жалко, что онъ знакомъ только съ французскою, а не нѣмецкою литературою! Механизмъ китайскаго языка очень простъ, но за то выучиться читать и писать—чрезвычайно трудно; здѣсь нѣтъ буквъ и алфавита, а одни условные знаки, которые отличаются ужасною произвольностью, каждый знакъ надобно заучить какъ онъ произносится и что значить; знаки выражаютъ самыя понятія о вещахъ, а не слоги; знаковъ этихъ болѣе 24,000, а звуковъ, которыми говорятъ китайцы (у нихъ нѣтъ словъ) и которые должны выражать условные знаки, только до 500, отъ того одинъ и

тотъ же звукъ выражаетъ нѣсколько различныхъ знаковъ, поэтому, чтобы узнать, что разумѣется подъ извѣстнымъ звукомъ, нужно чтобы онъ былъ соединенъ съ другимъ еще знакомъ, который бы опредѣлялъ его значеніе. Такъ какъ звуковъ очень мало, а условныхъ знаковъ очень много, то для восполненія недостатка первыхъ китайцы выдумали четыре ударенія, изъ которыхъ равное произносится безъ повышенія и пониженія голоса и протяжно, острое—съ верху въ низъ, а тяжелое— съ низу въ верхъ, краткое—глухо и въ себя; отъ этихъ удареній совершенно измѣняется и самый смыслъ звука и, съ другой стороны, рѣчь дѣлается напѣвомъ. Какъ же заучить такое множество знаковъ? О. Іакинѣвъ говоритъ, что довольно знать 2,000 знаковъ и 10,000 выраженій, которые мало-по-малу изучатся при разговорѣ. Прочіе знаки или вовсе не употребляются, или очень рѣдко: самые ученые мандарины знаютъ не болѣе 3,000. Нѣкоторые изъ китайскихъ знаковъ, такъ называемые изобразительные (число ихъ 608), по существу своему схожи съ египетскими іероглифами, потому нѣкоторые знаки китайцы производили отъ египтянъ. Китайская каллиграфія такъ изысканна и вычурна, и вмѣстѣ безтолкова, что съ ней нельзя ничего сравнить. Учимся писать, но когда выучимся—это вопросъ для насъ еще неразрѣшимый. Надо писать не перомъ, а кистью, и нужно по крайней мѣрѣ 3 мѣсяца, чтобы хорошо владѣть кистію. Намъ выданы пекинскія кисти, сдѣланныя изъ хорьковой шерсти и волчьего хвоста, и вложенныя въ бамбуковую трубочку; вмѣсто чернилицы употребляются плитки каменные для растиранія туши, гдѣ еще есть маленькая ложбика для воды; у меня есть двѣ китайскія кисти, чернилица и палочка туши самой лучшей. Кистью пишутся и маньджурскія буквы; здѣсь есть алфавитъ, но и здѣсь есть затрудненіе въ письмѣ и чтеніи, трудно отличать зубчики одинъ отъ другаго; въ маньджурскомъ алфавитѣ 29 буквъ, изъ которыхъ почти каждая въ письмѣ измѣняется; такъ безъ соединенія съ другими буквами, извѣстная буква пишется такимъ образомъ, въ началѣ слова иначе, въ срединѣ—иначе и въ концѣ—иначе. По-маньджурски мы начинаемъ уже порядочно пописывать. Несмотря на трудность изученія этихъ языковъ, занятіе ими для меня не кажется обремене-

нительнымъ и скучнымъ. Каждый день, исключая субботы, въ 12 часовъ утра (прежде въ 6 ч. веч.) начинается лекція и продолжается или до половины 3, или до конца 3 часа. Пришедши изъ Департамента, объедемъ въ 4 часа, въ 9 час. начинаемъ пить чай, ужина не бываетъ, сидимъ часовъ до двухъ; утромъ, часу въ девятомъ пьемъ чай и, послѣ завтрака, въ началѣ 12, отправляемся въ департаментъ. Такъ то мы живемъ совершенно по-петербургски!....

XII.

Сент. 18 дня.

Къ родителямъ.

Вотъ уже три дня прошло, какъ я держалъ экзамень; 15-го сентября, въ 4 часа вечера, назначено было мнѣ испытаніе, при полномъ собраніи конференціи; экзамень начался въ 5 минутъ 6 часа и кончился безъ четверти въ восемь. Почти цѣлые три часа я стоялъ предъ грознымъ, нашимъ трибуналомъ, — и смиренно давалъ имъ отвѣты на ихъ вопросы. Откровенно сказать, что я не ожидалъ себѣ такого строгаго экзамена; иные вопросы были такъ затруднительны, и такъ прѣвышали свѣдѣнія студента, что Дмитрій Ѳедорычъ принужденъ былъ замѣтить одному изъ экзаменаторовъ, что такой экзамень можно дѣлать только тому, кто ищетъ докторской степени. Спасибо доброму Дмитрію Ѳедорычу, — онъ много мнѣ помогалъ, и помогалъ искусно; безъ его помощи пришлось-бы мнѣ довольно порѣзаться, между тѣмъ, какъ теперь я выдержалъ экзамень не безъ успѣха. О. Ректоръ самъ сказалъ мнѣ „хорошо“, — и самую задачу далъ болѣе для формы, нежели для испытанія. Чтоже я получу за свой экзамень? Не знаю. Хотѣлось-бы чего нибудь поболѣе степени студента. Но дадутъ ли это мнѣ? — Вотъ проблемма. Я не одинъ держалъ экзамень, но съ товарищемъ своимъ о. Гуріемъ, — только тотъ ранѣе меня днями двумя раздѣлался съ своимъ испытаніемъ, и на другой день своего экзамена слышалъ, что еще до экзамена положено было намъ дать — степени студента; но этотъ слухъ не имѣетъ неоспоримой истинности. Признаюсь, — имъ будетъ совѣстно, если они мнѣ дадутъ только студента, за то, что столько времени мучили меня, и те-

перь еще связываютъ своими разсужденіями,—когда я по праву, безъ экзамена могъ быть дѣйств. студентомъ. Нѣтъ! я надѣюсь получить больше; и свою надежду основываю на своемъ экзаменѣ. Предложеніе для разсужденія мнѣ дали сухое,—пустое, а время самое краткое; писать разсужденіе на степень—двѣ недѣли. Предложеніе такое: нужно-ли изучать правила словесности? Времени у меня очень мало;—на этой недѣлѣ у насъ отчетъ мѣсячный по китайскому и маньчжурскому языкамъ, который мы будемъ дѣлать предъ вице-директоромъ; итакъ одна недѣля пройдетъ въ приготовленіяхъ; на нынѣшней-же недѣлѣ начнутся лекціи въ Академіи наукъ; когда писать задачу? Я нынѣ хотѣлъ писать вамъ обширное письмо, и предметы для письма есть, но время заставило меня сократиться, а на будущей почтѣ надѣюсь вамъ прислать подробное письмо. Просьбу вашу, маменька, я надѣюсь непременно исполнить. Съ нами ѣдетъ въ Пекинъ хорошій художникъ и портретистъ, я просилъ его снять съ меня портретъ и онъ обѣщался мнѣ непременно выполнить мое желаніе; въ крайнемъ случаѣ,—если ему нельзя будетъ за недосугами написать масляными красками, то онъ напишетъ акварелью. Но, но безнокойтесь, любезнѣйшая маменька,—онъ намаститъ меня на холстѣ. Вы спрашиваете, когда я приѣду въ Кострому, къ Вамъ? Еще въ департаментѣ не рѣшенъ нашъ выѣздъ изъ Петербурга;—по первой дорогѣ прикатимъ на связки къ Вамъ въ гости. Я надѣюсь, и не безъ основанія, весь праздникъ провести у Васъ—и болѣе.
